

С.В. Виноградов
Ю.Г. Ещенко*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СОЗДАНИЮ НОВОЙ МИГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-9
УДК 94:314.15(47)"1850/1917"

Выходные данные для цитирования:

*Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Государственная политика по созданию новой миграционной модели в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 116–132.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-09.pdf>*

S.V. Vinogradov
Yu.G. Yeshchenko*

STATE POLICY TO CREATE A NEW MIGRATION MODEL IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-9

How to cite:

*Vinogradov S.V., Yeshchenko Yu.G. State Policy to Create a New Migration Model in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 116–132.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-09.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the main components of migration policy implemented in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Within the framework of the concept of three stages of the migration process the authors characterize the migration model that developed during the period under study, which implied planning (development of the main directions of state migration policy); organization of the movement of labor resources (creation of appropriate management and administrative structures); consolidation and adaptation of migrants (providing benefits to migrants, debt forgiveness, loans for the initial settlement). Before the peasant reform, the main task of the government, which defended in its domestic policy the interests of, primarily, the landowning nobility, was the retention of peasants in the landed estates through the system of serfdom. Under these conditions, internal migration developed poorly and the vast peripheral territories that entered the Russian Empire in the seventeenth and nineteenth centuries were developed and populated very slowly. The main sources of settlement in the new lands were: 1) “free migration”, consisting of runaway serfs, former soldiers and representatives of free estates, such as merchants, Cossacks, etc.; 2) peasant migration, which implied the resettlement to new lands of state peasants, who were forced to do so on a mandatory basis by the state authorities. But these sources, given the vastness of the developed territories, were clearly insufficient. The development of a new migration model was due to a change of vector in the socio-economic development of the country. Its difference from the previous model was the emergence of the labor market and, accordingly, an increase in migration flows to the outskirts in the context of a shortage of agricultural land and the relative overpopulation of villages in the old agrarian areas. In the emerging new system of socio-economic relations, the state, interested in the rapid development of the peripheral territories, had to regulate the movement of migration flows, setting

* **Сергей Вадимович Виноградов**, доктор исторических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, e-mail: dissovetdm@yandex.ru

Sergey Vadimovich Vinogradov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, e-mail: dissovetdm@yandex.ru

Юлия Геннадьевна Ещенко, кандидат исторических наук, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

Yuliya Gennadevna Yeshchenko, Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)»: <https://rscf.ru/project/23-28-00547/>.

This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation No. 23-28-00547 “Model of Regulation of Labor Migration in the Russian Empire in 1861–1914 (By the Example of the Formation of Industrial and Commercial Clusters of the Volga-Caspian Fishing Region)”: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00547/>.

them in the right direction. For this purpose at the level of the central state apparatus specialized administrative bodies were created to organize the movement of migrants. The main source of internal labor migration in the period under study were former serfs.

Keywords: migration model, state policy, migration policy, post-reform period, resettlement, development, colonization.

The article has been received by the editor on 02.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируются основные составляющие миграционной политики, реализовывавшейся в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. В рамках концепции о трехстадийности миграционного процесса авторами характеризуется сложившаяся в исследуемый период миграционная модель, которая подразумевала планирование (выработку основных направлений государственной миграционной политики), организацию перемещения трудовых ресурсов (создание соответствующих управленческих и административных структур), закрепление и адаптацию мигрантов (предоставление льгот мигрантам, списание долгов, выдачу ссуд на первоначальное обустройство). До крестьянской реформы главной задачей правительства, отстаивавшего во внутренней политике интересы прежде всего дворян-землевладельцев, являлось удержание крестьян в помещичьих хозяйствах через систему крепостного права. В этих условиях внутренняя миграция развивалась слабо, и обширные окраинные территории, вошедшие в Российскую империю в XVII–XIX вв., осваивались и заселялись очень медленно. Основные источники заселения новых земель: 1) «вольная миграция», состоявшая из беглых крепостных крестьян, бывших военных и представителей свободных сословий, например купцов, казаков и т.д.; 2) крестьянская миграция, подразумевавшая переселение на новые земли государственных крестьян, которые вынуждены были это делать в обязательном порядке по решению государственных органов. Но этих источников, учитывая обширность осваиваемых территорий, было явно недостаточно. Выработка новой миграционной модели была обусловлена сменой вектора в социально-экономическом развитии страны. Ее отличие от предыдущей модели состояло в появлении рынка рабочей силы и, соответственно, в увеличении миграционных потоков на окраины в условиях дефицита сельскохозяйственных земель и относительной перенаселенности деревень в старых аграрных районах. В складывавшейся новой системе социально-экономических отношений государство, заинтересованное в скорейшем освоении окраинных территорий, было вынуждено заниматься регулированием движения миграционных потоков, задавая им нужное направление. Для этого на уровне центрального государственного аппарата создавались специализированные административные органы по организации переселенческого движения. Главным источником внутренней трудовой миграции в исследуемый период стали бывшие крепостные крестьяне.

Ключевые слова: миграционная модель, государственная политика, миграционная политика, пореформенный период, переселение, освоение, колонизация.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 г.

Введение. Одним из основных факторов развития Российского государства является пространственный, или геополитический, фактор. Обширная площадь Российской империи и ее постоянное расширение в XIX в. поставили перед государством задачу поиска эффективной миграционной модели для заселения и удержания окраинных территорий. Суще-

вавшие до 1861 г. модели организации миграционных потоков (такие как крестьянская, вольная, казачья и др.), рассмотренные в предыдущих работах¹, показали слабую результативность. К тому же в правительственных кругах, в которых заметную роль играли представители земельной аристократии, владевшие значительным количеством крепостных крестьян, традиционно преобладало отрицательное отношение к миграциям из центральной части страны.

Отмена крепостного права, ускоренное промышленное развитие, строительство транспортных коммуникаций, связавших Центральную Россию с Уралом, Сибирью и Дальним Востоком, открыли новые возможности для внутренней миграции населения. Нарождавшемуся капитализму настоятельно требовалась новая модель регулирования миграционных потоков рабочей силы, ориентированная на начинавшуюся индустриализацию и интегрированная с новыми стратегиями экономического развития, требовавшими максимального включения окраинных территорий во всероссийский рынок.

Создававшаяся в пореформенный период миграционная модель предполагала ведущую роль государства в колонизационном процессе за счет проведения целенаправленной переселенческой политики, что сопровождалось соответствующими изменениями в законодательстве. Ее отличие от моделей предшествующих периодов состояло в росте миграционного потока, регулировании государством всех трех стадий миграционного процесса (планирование, переселение, адаптация), создании на уровне центрального государственного аппарата специализированных административных органов по организации переселенческого движения, увеличении капиталовложений казны в обеспечение миграции населения, выразившихся как в непосредственных финансовых расходах, так и в сдаче в арендное пользование или владение обширных площадей казенных земель.

Проблемы выработки и реализации государственной миграционной политики в пореформенный период в Российской империи широко представлены в историографии. Не ставя перед собой задачу охарактеризовать весь массив имеющейся научной исторической литературы по проблеме, что могло бы стать предметом отдельного исследования, остановимся на обозначении некоторых тематических векторов в изучении миграционной (переселенческой) политики пореформенного периода в современной отечественной историографии.

Детально проработан вопрос финансирования переселенческого дела в Российской империи. О.Ф. Иванова исследовала вопросы кредитования переселявшихся крестьян сквозь призму деятельности крестьянского поземельного банка в дореволюционной России². В.Л. Степанов проанализировал финансовую политику по отношению к крестьянскому населению, в том числе и по организации переселения малоземельных крестьян на окраины империи³. А.В. Филимонов рассмотрел систему учреждений, курировавших переселение, их роль в выстраивании системы материального обеспечения переселенцев на осваиваемых территориях, а также изменения в финансировании переселенческих мероприятий в условиях нового аграрного курса российского правительства в начале XX в.⁴

В ряде работ представлено региональное измерение колонизационно-переселенческих процессов второй половины XIX – начала XX в. Предметом исследования историков стала организация переселения на Северный Кавказ, в Туркестан, Киргизию и на Дальний Восток⁵.

¹ Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В., Лихолет О.В. Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. 2022. № 17. С. 1564–1574.

² Иванова О.Ф. Кредитное обеспечение процессов переселения крестьян Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии) // Сервис plus. 2009. № 1. С. 79–85.

³ Степанов В.Л. Политика финансового ведомства России по крестьянскому вопросу в конце XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 1–2. С. 70–75.

⁴ Филимонов А.В. «Заселить страну русскими людьми»: финансовый аспект имперского переселенческого проекта в Южно-Уссурийском крае (1882–1892 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 130–134; Филимонов А.В. Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX – начала XX вв. // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–18.

Активно исследовалась государственная политика по освоению и заселению Сибири⁶. Особое внимание уделялось проблеме заселения восточных территорий в рамках деятельности Комитета Сибирской железной дороги⁷. Массовое переселение крестьян в Сибирь как мера для решения аграрного кризиса хозяйства черноземной полосы изучено М.К. Чуркиным⁸. В поле зрения исследователей находились вопросы организации управления переселенческим движением в пореформенный период, проблемы выбора вектора миграционной политики, а также историография российской миграционной политики⁹.

Освоение Россией окраинных территорий зарубежными исследователями чаще всего рассматривается не с позиций анализа внутригосударственных процессов, а с точки зрения оценки военно-стратегического и политического влияния России в определенном регионе, борьбы за природные ресурсы. Такой подход особенно характерен для оценки российского присутствия в Арктике и на Дальнем Востоке¹⁰. Другим подходом в зарубежной историографии является изучение приграничных территорий как мест выстраивания международной торговли, трансграничной миграции, торгово-экономических, культурных, политических и других связей¹¹. Ряд работ иностранных авторов посвящен изучению принципов государственного управления окраинами Российской империи, правовому статусу окраин и эволюции правительственной политики¹².

⁵ Зубариев Р.Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: политические, экономические и демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2019; Варювода Н.В. Переселенческая политика Российской империи на Северном Кавказе в пореформенный период // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 262–268; Вагабов М.М., Горшкова Т.В., Рогожкин В.А. К вопросу о переселенческой политике Российской империи на Кавказе и формировании районов с русскими переселенцами в Дагестане // Вопросы истории. 2021. № 12–2. С. 106–113; Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638; Ташиболотова С. К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Кыргызстана. 2010. № 3. С. 97–105; Васильченко О.А. Государственная политика семейных переселений на Дальний Восток Российской империи: социально-правовой аспект // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. № 3–4. С. 292–306.

⁶ Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016; Никоненко Д.В. Переселенческая политика в российском законодательстве. 1861–1889 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006; Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Проекты степной колонизации 1870-х гг.: смена приоритетов и поиск новых методов интеграции // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3-2. С. 46–54; Бакиев А.И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 2. С. 130–140; Иванов А.А., Котов А.Э. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 60–75; и др.

⁷ Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131; Ус Л.Б. «Вспомогательные предприятия» Комитета Сибирской железной дороги // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 36–39.

⁸ Чуркин М.К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1. С. 29–37.

⁹ Антонова Е.К. Структура управления Томского переселенческого района 1906–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 132–134; Гришанова А.Г., Фадеева Т.А. Экономика, наука, культура, общество и трансформация миграционной политики в Российской империи: западные и восточные векторы (теоретические аспекты) // Миграционное право. 2019. № 2. С. 7–11; Ананьев Д.А. Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенную эпоху в оценках англо-американских и немецких исследователей (конец XIX – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 120–132.

¹⁰ Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994.

¹¹ Geraci R.P. Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London, 2001; Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal, 2001; Wood A. Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London; New York, 2011.

¹² Velychenko St. Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // The Russian Review. 1995. № 2. P. 188–208; Strakhovsky L. Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy Toward National Minorities // The Journal of Modern History. 1941. № 4 (13). P. 467–492.

Ввиду того, что предметом исследования является государственная политика, основным источником для написания статьи послужили законодательные документы, опубликованные в собраниях и сводах законов Российской империи. В них отражена работа министерств внутренних дел и государственных имуществ, Комитета Сибирской железной дороги, Кабинета министров по подготовке и принятию законодательных инициатив, их внедрению, внесению поправок и дополнений в уже действовавшее законодательство для решения стратегической задачи хозяйственного освоения, заселения и закрепления окраинных и приграничных территорий посредством организации миграционных потоков рабочей силы.

Методологической базой исследования является концепция Л.Л. Рыбаковского о трехстадийности миграционного процесса¹³. В рамках данной концепции созданная в пореформенный период миграционная модель (впрочем, как и любая другая, существовавшая ранее) характеризуется нами как комплекс мер, включающий в себя планирование (выработку основных направлений государственной миграционной политики), организацию перемещения трудовых ресурсов (создание соответствующей инфраструктуры, управленческих и административных структур), закрепление и адаптацию мигрантов (предоставление льгот мигрантам, списание долгов, выдачу ссуд на первоначальное обустройство и т.п.).

Выработка основных направлений государственной миграционной политики.

После отмены крепостного права появилась возможность организации колонизации обширных земель в окраинных регионах Российской империи. Это было и решением вопроса крестьянского малоземелья и перенаселенности старых аграрных регионов. Основными территориями, на которые планировалось переместить трудовые ресурсы из центра страны, являлись, прежде всего, Сибирь и Дальний Восток.

Включение в состав Российской империи в 1858 г. Приамурья по Айгунскому договору и Приморья в 1860 г. по Пекинскому договору обусловило необходимость срочного освоения новых территорий. В 1861 г. был принят документ, регламентирующий условия переселения на Дальний Восток¹⁴. Для переезда требовалось иметь свидетельство с места проживания о праве на переселение, после чего желающие могли приобретать земельные участки для пользования или приписываться к городам в Амурской и Приморской областях. Переселение осуществлялось полностью за счет мигрантов, без каких-либо мер финансовой поддержки со стороны государства. Действие установленных правил по переселению ограничивалось 20-летним сроком, но после его истечения продлевалось в 1882¹⁵ и в 1892 г.¹⁶

Государственная концепция освоения окраинных территорий нашла отражение в ключевом документе по организации внутренней миграции населения – Положении о добровольном переселении 1889 г.¹⁷ Свободное, или добровольное, перемещение основных податных сословий (крестьян и мещан) было четко регламентировано. Так как переселение осуществлялось на казенные земли, то регулирование данного процесса возлагалось на два министерства – государственных имуществ и внутренних дел. Прошения желавших переселиться (с обоснованием причин и указанием региона переселения) «подавались на имя местного губернатора, который перенаправлял их вместе с комплектом сопроводительных документов о хозяйственном положении семейства и заключением губернского присутствия по крестьянским делам в министерство внутренних дел». После согласования с Министерством государственных имуществ выдавалось разрешение на переселение. В Положении

¹³ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.

¹⁴ Сенатский указ «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36 (1861). Ч. 1. СПб., 1863. № 36928.

¹⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцам в Приамурском крае» от 26 января 1882 г. // Там же. Собр. 3. Т. 2 (1882). СПб., 1886. № 633.

¹⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О продлении действия правил, касающихся поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях и об изменении и дополнении сих правил» от 18 июня 1892 г. // Там же. Т. 12 (1892). СПб., 1895. № 8755.

¹⁷ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» от 13 июля 1889 г. // Там же. Т. 9 (1889). СПб., 1891. № 6198.

указывалось, что лица, осуществлявшие переселение без указанных разрешений, возвращались обратно в места приписки по распоряжению администрации.

Передача мигрантам в арендное пользование земельных участков из казенного фонда в исследуемый период осуществлялась как на территории европейской части России, например в Нижнем Поволжье, так и в Сибири – в Тобольской и Томской губерниях, а также в Средней Азии и Казахстане – в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской губерниях. Размер участков казенной земли, отводившихся переселенцам на указанных территориях, определялся исходя из количества душ мужского пола в семье, особенностей земельного участка и плодородности почвы. Различались условия, на которых казенные земли передавались поселенцам. В европейской части России «земля отдавалась во временное арендное пользование по договору на срок от 6 до 12 лет, по происшествии которого земля могла быть передана арендаторам в бессрочное пользование», в результате чего крестьяне-переселенцы сравнивались в статусе с государственными крестьянами, проживавшими в тех местностях. В сибирских губерниях, в Средней Азии и Казахстане земли предоставлялись сразу в постоянное бессрочное пользование. Поземельное устройство определялось соответствующим сельским сходом – казенные земли предоставлялись либо в общинное, либо в подворное пользование¹⁸.

Важность Положения заключалась в том, что оно регламентировало особенности поземельного устройства как на территории сельских обществ, из которых выбывали переселенцы, так и в новых обустриваемых сельских обществах, а также особенности перераспределения выкупных платежей и недоимок. Действие Положения о добровольном переселении 1889 г. в последующие годы распространилось и на другие территории Российской империи. В 1890 г. нормы указанного Положения были распространены на Вятскую губернию¹⁹, в 1892 г. – на Иркутскую и Енисейскую губернии²⁰. С 1893 г. пункты Положения стали применяться не только для крестьян и мещан, переселявшихся из других губерний, но и для переселившихся из одних уездов в другие внутри одной губернии²¹. Положение также применялось при переселении русских на территории, традиционно заселенные инородцами.

Развитие железнодорожного сообщения, связавшего Сибирь и другие отдаленные районы с центральной частью России, поставило задачу освоения не только земель, непосредственно прилегающих к железнодорожному тракту, но и более отдаленных территорий. Наличие коммуникаций и относительная заселенность земель по линии протяженности Сибирской железной дороги способствовали началу освоения территории Сибири вглубь, в частности, в труднодоступные и практически не заселенные ранее таежные районы. Предварительно проводилось обследование указанных пространств и выделение из них площадей, годных для нарезки на переселенческие участки, и площадей, не подлежавших заселению. Заселение осуществлялось в пределах Тобольской и Томской губерний и Иркутского генерал-губернаторства, на таежных землях, отстоявших от линии Сибирской железной дороги на расстояние не менее 20 верст. В числе поселенцев были не только мигранты из европейской части России, но и сибирские крестьяне-старожилы, «пожелавшие водвориться на казенных пространствах». Последним предоставлялось право оставаться в

¹⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли...». № 6198.

¹⁹ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О применении правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время, к крестьянам, переселившимся с разрешения Правительства на казенные земли Вятской губернии» от 11 мая 1890 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 10. СПб., 1905. № 6815а.

²⁰ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли губерний Иркутской и Енисейской» от 20 апреля 1892 г. // Там же. Т. 12 (1892). СПб., 1895. № 8515.

²¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» от 8 ноября 1893 г. // Там же. Т. 13 (1893). СПб., 1897. № 10033.

составе своих сельских обществ в течение трех лет²². Эта мера была важна потому, что до выхода из состава общества и до причисления к волости по новому месту водворения за крестьянами-старожилами сохранялись земельные участки по старому месту жительства.

Заселялись и другие участки вдоль вновь проложенных коммуникаций. Так, после возведения в 1895–1898 гг. Пермь-Котласской железной дороги в 1900 г. были введены Временные правила об образовании переселенческих участков в Вологодской и Пермской губерниях для заселения данных территорий²³.

Другим направлением миграционной политики было переселение русских на территории, традиционно заселенные автохтонными народами. Преимущественное право переселения в стратегически значимые районы традиционно отдавалось коренному русскому населению.

Попытки демаркации границы Российской империи с Афганистаном после присоединения Мервского оазиса вылились в военное столкновение. После победы русских отрядов в сражении у реки Кушка в 1885 г. территориальные вопросы были решены, а население на присоединенных землях приняло российское подданство²⁴. В 1892 г. в долину реки Кушка на земли, отошедшие к Российской империи, было решено переселить 218 семейств русских земледельцев²⁵.

В 1896 г. из состава земель Кубанского казачьего войска в самостоятельную Черноморскую губернию была выделена территория, включавшая в себя ранее Черноморскую кордонную линию и Черноморскую береговую линию – крепости и крепостные сооружения, служившие для защиты от набегов черкесов²⁶. В 1897 г. принято решение об организации добровольного переселения на участки казенной земли губернии. К водворению допускались только сельские обыватели и мещане, принадлежавшие к коренному русскому населению губерний и областей европейской части России²⁷.

По Правилам о добровольном переселении 1904 г. «разрешение на переселение в Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области и в Кавказский край выдавалось только лицам коренного русского происхождения православного вероисповедания». При выдаче разрешений предписывалось отдавать предпочтение желающим переселиться из числа «отставных и запасных нижних чинов, кои имеют в составе семейств не менее двух годных для занятия хлебопашеством работников»²⁸.

Подобные переселения решали задачу закрепления русского населения на вновь присоединяемых национальных окраинах, ассимиляции и включения местного населения в русскую культурную среду, способствовали переходу кочевых и полукочевых народов к оседлому образу жизни. Немаловажной задачей было использование природных богатств территорий для их активного промыслового освоения.

Создание эффективной миграционной модели требовало включения в переселенческий поток значительных масс населения. В первой половине XIX в. в качестве основной мигра-

²² Высочайшее утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «О заселении таежных пространств в пределах Тобольской и Томской губерний и Иркутского генерал-губернаторства» от 27 апреля 1896 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 16. СПб., 1905. № 12837в.

²³ Высочайшее утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «О порядке заселения в район Пермь-Котласской железной дороги» от 9 июля 1901 г. // Там же. Ч. 1: дополнение к т. 21. СПб., 1905. № 20504а.

²⁴ Соегов М.Г. К истории сражения 1885 г. при р. Кушка с участием туркмен под командованием офицера-аварца // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 2. С. 39–44.

²⁵ Высочайшее повеление, объявленное военным министром «О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских землевладельцев» от 5 мая 1892 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 12 (1892). СПб., 1895. № 8590.

²⁶ Нагаева Г.А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 24–37.

²⁷ Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «О переселении в Черноморскую губернию» от 31 марта 1897 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнения к т. 17. СПб., 1905. № 13915а.

²⁸ Высочайшие утвержденные Временные Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев от 6 июня 1904 г. // Там же. Т. 24 (1904). Ч. 1. СПб., 1907. № 24701.

ционной силы выступали государственные крестьяне. После 1861 г. ставка стала делаться на бывших крепостных крестьян и мещан как на самые многочисленные сословия, среди которых было много недовольных своим положением и готовых рискнуть начать новую жизнь на осваиваемых окраинных территориях²⁹.

Широкое распространение капиталистических отношений, выдвигание на передовые позиции в деловых кругах людей не по принципу родовитости, а по личностным характеристикам и предпринимательским навыкам, приводило к постепенной утрате экономического лидерства дворянского сословия. Особенно это проявлялось в среде мелкопоместных и обедневших дворян, потерявших в пореформенный период основу своего материального благополучия – крепостных крестьян. Это способствовало возникновению такой уникальной группы переселенцев, как дворяне-землепашцы, изучению которой обычно уделяется мало внимания ввиду ее малочисленности в миграционном потоке³⁰. Потомственным дворянам, обрабатывавшим землю своим личным трудом (как имевшим неопровержимые доказательства своего дворянского происхождения, так и тем, дворянское происхождение которых было известно местным губернским предводителям дворянства), было предоставлено право селиться на казенных землях в Тобольской и Томской губерниях, в Степном, Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах. Переселенцам выделялись участки в размере от 60 до 100 десятин на семью. В отличие от крестьян и мещан, арендовавших землю, дворянам участки предоставлялись в собственность с необходимостью оплаты поземельной подати (однако право собственности на недра и находящиеся там полезные ископаемые – «благородные металлы и драгоценные камни» – оставалось за государством)³¹.

Таким образом, государственная политика по созданию новой эффективной миграционной модели в пореформенный период включала в себя несколько взаимодополняющих составляющих: форсированное освоение окраинных территорий, в том числе Сибири, Дальнего Востока, Севера; переселение русских, преимущественно бывших военных, на приграничные или недавно присоединенные территории; включение в переселенческое движение различных социальных групп населения.

Организация перемещения трудовых ресурсов. Организация перемещения трудовых ресурсов требовала проведения работ по межеванию переселенческих участков для размещения мигрантов, а также создания управленческих и административных структур, регулировавших переселение.

Образование переселенческих участков возлагалось на поземельно-устроительные партии. Участки образовывались при соблюдении ряда условий. Границы участков, как для устройства целых селений, так и для отдельных хуторов, были обусловлены особенностями местности и ограничивались естественными преградами – лесом, рекой, оврагами и т.п. На каждом переселенческом участке должен был быть свободный доступ к воде и место, пригодное под строительство комплекса жилых и хозяйственных построек – усадеб. При образовании участка определялось количество переселенцев, которые могли быть размещены на нем, в зависимости от плодородия и особенностей почвы, типов сельскохозяйственных культур, преобладавших в местности, и др. К участкам должны были прилегать лесные и свободные территории, пригодные для выпаса скота и обеспечения переселенцев элементарным топливом – дровами.

Проекты переселенческих участков вносились начальниками поземельно-устроительных партий на рассмотрение местным органам управления, которые принимали окон-

²⁹ Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 16.

³⁰ Крих А.А. Социальные репрезентации населения в контексте переселенческой политики в Сибири в позд-неимперский период // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 195–205.

³¹ Высочайше утвержденное Положение Комитета Сибирской железной дороги «О переселении на казенные земли Сибири дворян-землепашцев» от 22 июня 1900 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 20. СПб., 1905. № 189186.

чательное решение о количестве мигрантов, которые могли бы разместиться на данных землях³².

По Положению 1889 г. «для наблюдения за движением переселенцев, оказания им содействия на время следования до новых мест проживания, а также для регистрации переселявшихся при земском отделе Министерства внутренних дел было учреждено 6 должностей чиновников особых поручений»³³.

Для последовательного приведения в действия значительного объема нормативно-правовых документов, регламентировавших переселенческую политику, требовался специфический орган исполнительной власти в системе управления Российской империи. Им стало Переселенческое управление, организованное в структуре Министерства внутренних дел в 1896 г. и просуществовавшее до революции. Управлению была предоставлена вся полнота власти относительно контроля за реализацией существовавших законов о переселении населения. В числе конкретных функций нового подразделения МВД значились: выдача разрешений на переселение; принятие мер по упорядочению переселенческого движения; поддержка переселенцев во время обустройства по новому месту проживания; контроль за кредитами, выделявшимися Министерству внутренних дел на осуществление переселенческих мероприятий; предварительная проработка законодательных инициатив и административных мер по организации переселенческого дела; курирование любых дел по распоряжению министра внутренних дел, так или иначе связанных с реализацией переселенческой политики. Ранее выполнение указанных функций распределялось между чиновниками особых поручений земского отдела МВД, должности которых были упразднены, а чиновники переведены на службу в новое управление³⁴. В 1905 г. Переселенческое управление было передано в структуру Главного управления землеустройства и земледелия, созданного на основе Министерства земледелия и государственных имуществ.

Помимо этого, существовала практика создания специализированных отрядов чинов, курировавших переселенческую деятельность в каком-либо конкретном регионе и ответственных за образование из казенных земель переселенческих участков, предоставление их переселенцам и организацию поземельного устройства³⁵. Так, для отвода переселенческих участков в Черноморской губернии временно, на два года (1898–1899 гг.), был образован особый отряд поземельно-устроительных и межевых чинов в составе заведующего, производителя работ и семи межевых чиновников. Для учреждения отряда и организации его деятельности министр земледелия и государственных имуществ получил в Государственном Совете ассигнование кредита на оклады, командировочное довольствие чиновников и оперативные расходы отряда; на приобретение геодезического оборудования для исследования нагорной полосы Черноморского побережья; на расходы для производства работ по поземельному устройству государственных крестьян³⁶.

Осуществление переселенческой деятельности требовало значительных капиталовложений, которые шли не только на оплату жалованья чиновникам, но и на ссуды и так называемые «подъемные» деньги для мигрантов. Так, для расширения штата чиновников, осуществлявших руководство переселенческой деятельностью в 1903 г., в распоряжение министра внутренних дел было отпущено 106 625 руб. В распоряжение министра земледелия и государственных имуществ в 1903 г. для подготовки переселенческих участков в Сибири,

³² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О переселении в Черноморскую губернию» от 31 марта 1897 г.

³³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан...» от 13 июля 1889 г.

³⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Переселенческого управления» от 2 декабря 1896 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 16 (1896). Ч. 1. СПб., 1899. № 13464.

³⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отряде чинов по образованию переселенческих участков в Западной Сибири» от 22 января 1885 г. // Там же. Т. 5 (1885). СПб., 1887. № 2686.

³⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об образовании особого поземельно-устроительного отряда для отвода переселенческих участков в Черноморской области» от 2 марта 1898 г. // Там же. Т. 18 (1898). Ч. 1. СПб., 1901. № 15099.

степных областях, Пермской и Вологодской губерниях было отпущено 693 945 руб. В этой сумме были предусмотрены и премиальные выплаты, например чинам сибирских поземельно-устроительных партий и отрядов³⁷. Помимо указанных сумм, в том же 1903 г. в распоряжение министра внутренних дел было отпущено: на содержание штата чиновников, осуществлявших руководство переселенческой деятельностью на Дальнем Востоке – 46 700 руб.; на оплату жалования землемеров и проведение работ по хуторскому и подворному размежеванию земель переселенцев – 7 450 руб.; на осуществление санитарно-медицинского надзора во время передвижения переселенцев по линии Забайкальской железной дорог – 3 612 руб.; на организацию врачебно-продовольственной помощи переселенцам – 297 000 руб.; на обустройство подъездных дорог к переселенческим поселкам – 100 000 руб.; на выдачу ссуд поселенцам – 500 000 руб. и др.³⁸

Заселение Сибири и Дальнего Востока приобрело более целенаправленный характер с началом возведения Транссибирской магистрали. Нарезка свободных казенных земель на переселенческие участки осуществлялась, по возможности, на местностях, ближайших к железной дороге, а также к морскому побережью, рекам, грунтовыми дорогам. С одной стороны, это облегчало межевание участков, с другой – давало переселенцам, находившимся на значительном удалении от центра страны, возможность доступа к транспортным коммуникациям. Существенно способствовал делу переселения в восточные регионы страны созданный в 1892 г. Комитет Сибирских железных дорог, в компетенцию которого входил широкий круг вопросов не только по строительству дорог и инфраструктуры, но и по освоению окраинных территорий³⁹.

Создание условий для адаптации мигрантов. Одним из основных инструментов для закрепления и адаптации мигрантов на новых местах проживания являлась практика предоставления разнообразных льгот, ссуд и других мер поддержки. Так, для переселенцев в Амурскую и Приморскую области действовал льготный период, во время которого они освобождались от всех видов земских повинностей, как денежных, так и натуральных; им также предоставлялись льготы на приобретение в собственность участков казенной земли⁴⁰. Для стимулирования международной морской торговли, развития северных промыслов и закрепления населения на территориях с суровыми климатическими условиями в 1876 г. было принято Положение по льготам переселенцам на Мурманский берег. Переселенцы освобождались от назначения на действительную военную службу и зачислялись в запас флота, что позволяло иметь морской контингент из местного населения, которым в случае необходимости можно было быстро укомплектовать военные суда на северной границе. На переселенцев распространялись льготы и права на торговлю с Норвегией, существовавшие для жителей Поморского края и Архангельской губернии. Как и для переселенцев в другие окраинные регионы, вводилось освобождение от выплат государственных податей и денежных и натуральных повинностей сроком на 10 лет с момента утверждения Положения. Для обустройства на новом месте была предусмотрена система ссуд: от 50 до 150 руб. – на первоначальное обустройство, от 100 до 200 руб. – на покупку леса для постройки жилья и др.⁴¹

По Положению о добровольном переселении 1889 г. для переселенцев устанавливался ряд льгот. Все мигранты освобождались полностью от казенных сборов и арендных платежей за отведенные земли на территории европейской России – на два года, на остальных

³⁷ Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «Об усилении состава лиц, ведающих переселенческим делом в России» от 31 января 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 23. СПб., 1905. № 22465а.

³⁸ Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «Об отпуске средств на организацию переселения на Дальний Восток» от 27 декабря 1903 г. // Там же. № 237996.

³⁹ *Белянин Д.Н.* Основные направления государственной помощи переселенцам в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3. С. 49–57.

⁴⁰ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцам в Приамурском крае» от 26 января 1882 г.

⁴¹ Высочайше утвержденное Положение о льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманский берег, от 14 мая 1876 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 51 (1876). Ч. 1. СПб., 1878. № 5934.

территориях – на три года с момента водворения; последующие три года подати платились в размере 50 %. Отсрочивалось время несения воинской повинности для лиц, достигших в год переселения призывного возраста, для переселенцев в европейскую часть России на два года, в Степной край и Сибирь – на три года⁴².

Для прибывавших на места нового поселения были предусмотрены путевые ссуды, ссуды на хозяйственное обзаведение, посев и устройство жилищ, а также безвозмездное получение с казенных дач леса на постройку жилья. Никаких процентов или пени по данным ссудам не предусматривалось. Выдача ссуд возлагалась на чиновников особых поручений Переселенческого управления, находившихся на линии Сибирской железной дороги, а также на чиновников особых поручений по переселенческим делам, состоявших при генерал-губернаторах.

Несмотря на явную государственную заинтересованность в заселении окраинных территорий с низкой плотностью населения, разработке мер стимулирования переселенцев в виде разнообразных льгот и ссуд, освобождения от уплаты казенных сборов и т.д., следует отметить двойственность проводимой переселенческой политики. В Правилах о добровольном переселении 1889 г. указывалась следующая схема перераспределения выкупных платежей и недоимок переселенцев. Плата выкупных платежей за наделы, которые переселенцы оставляли, перекладывалась на условиях круговой поруки на их бывших односельчан. На сельские общества возлагалась также и ответственность по оплате всех недоимок переселявшихся «в казенных, земских и мирских сборах»⁴³. С одной стороны, оплата выкупных платежей выглядела логичным условием, так как земля переселившихся оставалась в общинном пользовании. С другой стороны, данный пункт значительно осложнял возможность переселения конкретного домохозяина, так как сельское общество не было заинтересовано выплачивать чужие выкупные платежи и недоимки.

Другой проблемой, которую предоставляемые от государства преференции не смогли решить, являлось то, что добровольные переселенцы не всегда закреплялись на новых местах. О массовости проблемы говорят специально принятые постановления, регулировавшие особенности возврата поселенцев на прежние места проживания. Наличие значительного количества прецедентов потребовало в 1897 г. принятия дополнения в Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан⁴⁴. Дополнение предлагалось в качестве временной меры и действовало на территориях Тобольской и Томской губерний и Степного и Иркутского генерал-губернаторств.

Переселенцы, самовольно оставившие земли, выданные им на новых местах пребывания, теряли право на получение других казенных наделов. Земли, оставленные переселенцами, считались свободными по прошествии трехлетнего срока, после чего на них было возможно поселение новых мигрантов. Однако данные меры были применимы только в том случае, когда было возможно отследить место следующей приписки мигранта – вернулся он на старое место проживания или, например, причислился к соседним сельским обществам. В случае же самовольного ухода и «безвестного отсутствия» мигрантов взыскание с обществ недоимок за брошенные наделы сначала временно приостанавливалось. В случае если беглец не обнаруживался по истечении трехлетнего срока, то числившиеся недоимки списывались. Следует отметить и тот факт, что никакого наказания для мигрантов, не сумевших обустроиться на новом месте жительства, не предусматривалось. И даже прописанный пункт о потере права на получение других казенных земель был установлен с оговоркой. Допускались исключения в случаях, «заслуживающих особого уважения», с разрешения Министерства внутренних дел⁴⁵. Поэтому данные дополнения были, скорее, важны не для самовольно поки-

⁴² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан...» от 13 июля 1889 г.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «По вопросу о самовольном оставлении переселенцами мест их нового водворения» от 12 апреля 1897 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 17 (1897). СПб., 1900. № 13963.

⁴⁵ Там же.

давших места переселения, а для тех, кто оставался, так как документ регулировал условия выплаты сельскими обществами казенных и земских сборов за покинувших общества мигрантов.

Здесь нужно оговориться относительно употребления терминов «добровольное» и «самовольное» переселение, часто встречающихся в нормативных документах исследуемого периода. Под добровольным в документах понимается переселение с разрешения правительства, а под самовольным – переселение без получения соответствующих свидетельств и разрешений. Поэтому, несмотря на прописанную возможность добровольного переселения, оно осуществлялось под мониторингом со стороны курировавших министерств – внутренних дел и государственных имуществ, и фактически под добровольной миграцией понималось регулируемое государством переселение. Переселение не всегда разрешалось: в некоторые регионы переселялось только русское население; в приграничные, недавно отошедшие к Российской империи районы, переселяли, как правило, лиц военного звания с семьями; для переселения рядовых сельских обывателей требовалось согласие сельского общества, которое перенимало на себя оплату по их выкупным платежам, поэтому реальная, а не декларировавшаяся добровольность была возможна только при так называемом самовольном переселении.

Ставка при переселении делалась государством на крепкие зажиточные сельские семьи, так как, несмотря на меры финансовой поддержки со стороны государства (проезд по всем железным дорогам по удешевленному тарифу, подъемные по 100 руб. на семью при переселении и др.), переселение разрешалось только тем из просителей, которые обладали достаточными средствами для переезда за свой счет. Кроме того, размер выдававшихся казенных земельных наделов зависел от количества душ мужского пола, следовательно, лучшие условия при переселении могли получить именно большие семьи.

В более выгодном положении были представители привилегированных сословий, пополнившие ряды мигрантов. Дворяне-переселенцы при переезде пользовались льготами на проезд по железной дороге, а также всеми ссудами и пособиями, установленными для переселенцев из числа сельских обывателей и мещан по Положению 1889 г. Интересно, что в специальном постановлении особо оговаривалась невозможность отчуждения у дворян земельных участков, предоставленных в собственность, и обременения их долгами. В случае же возникновения долгов по казенным взысканиям утверждался перечень имущества, продажа которого не допускалась. В его число входили: «иконы, образницы и киоты с иконами, богослужебные и учебные предметы и книги; знаки отличия; ежедневная одежда и домашняя утварь; хлеб и овощи, необходимые для продовольствия семьи на три месяца; три коровы и корм для них; топливо на обогрев жилья на три месяца; земледельческие и промысловые орудия, безусловно необходимые для поддержания хозяйства на отведенном участке земли, а также соответствующее количество рабочего скота; семена в количестве, необходимом для посева»⁴⁶. Таким образом, для дворян-переселенцев постарались создать максимально удобные условия для жизни на новом месте, предоставив ряд экономических гарантий для защиты от разорения.

Заключение. Таким образом, в условиях отмены крепостного права и формирования рынка свободной рабочей силы менялась парадигма государственной миграционной политики. До 1861 г. главной задачей правительства, состоявшего в большинстве своем из представителей земельной аристократии, владевших значительным количеством крепостных душ, являлось удержание крестьянства в помещичьих имениях. В этих условиях внутренняя миграция развивалась слабо и обширные окраинные территории, вошедшие в Российскую империю в XVII–XIX вв., осваивались и заселялись очень медленно.

Между тем менявшиеся в неблагоприятную сторону к 1860-м гг. политические и социально-экономические условия существования Российской империи требовали смены существовавшей миграционной политики. Начавшаяся в исследуемый период индустриализация

⁴⁶ Высочайше утвержденное Положение Комитета Сибирской железной дороги «О переселении на казенные земли Сибири дворян-землепашцев» от 22 июня 1900 г.

диктовала возрастающие потребности отечественной экономики в различных природных ресурсах, которые в изобилии имелись на окраинных территориях, но их добыча из-за слабости внутренней трудовой миграции была затруднена. К тому же в неблагоприятных политических условиях, сложившихся после Крымской войны, существовала угроза потери или уступки неосвоенных земель, как это произошло с Аляской в 1867 г.

Поэтому важной задачей в складывавшихся социально-экономических реалиях пореформенного периода стала выработка правительством новой миграционной модели, способной вовлечь в освоение новых территорий широкие массы освободившихся от крепостной зависимости крестьян и другие категории обедневшего в результате реформ 1860-х гг. населения, например дворян-землепашцев. Параллельно достаточно успешно решалась задача законодательного обеспечения и финансирования переезда тысяч семей из аграрно-перенаселенных центральных районов России на Дальний Восток, в Сибирь, степные районы Казахстана и другие окраинные земли.

Реализация новой миграционной модели способствовала решению комплекса стоявших перед правительством оперативных задач. В начале XX в. в приоритетном порядке заселялись территории, примыкавшие к строившимся транспортным коммуникациям в Сибири, на Дальнем Востоке и севере страны. Также, стремясь к созданию в национальных районах точек опоры в виде русских поселений, правительство предоставляло для мигрантов на такие территории максимально льготные условия. При этом существовал достаточно жесткий отбор для переселенцев. Предпочтение отдавалось семьям отставных военных, казакам, т. е. людям, знакомым с воинской службой. Подобные поселения в исследуемый период появлялись на побережье Каспийского моря, на Кавказе, в Туркестане и т.д.

Несмотря на все принимавшиеся меры – льготы, списание недоимок, ссуды на обустройство и пр., переселение было связано со значительными расходами и риском. Тем не менее именно на пореформенный период приходится процесс активного расселения населения по территории Российской империи, чему способствовала не только государственная миграционная политика, но и ход исторического развития страны – отмена крепостного права, развитие капиталистических отношений, индустриализация, строительство транспортных коммуникаций.

Литература

Ананьев Д.А. Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенную эпоху в оценках англо-американских и немецких исследователей (конец XIX – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 120–132.

Антонова Е.К. Структура управления Томского переселенческого района 1906–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 132–134.

Бакшеев А.И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 2 (35). С. 130–140.

Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 49 с.

Белянин Д.Н. Основные направления государственной помощи переселенцам в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 49–57.

Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Вагабов М.М., Горшкова Т.В., Рогожкин В.А. К вопросу о переселенческой политике Российской империи на Кавказе и формировании районов с русскими переселенцами в Дагестане // Вопросы истории. 2021. № 12–2. С. 106–113.

Варивода Н.В. Переселенческая политика Российской империи на Северном Кавказе в пореформенный период // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 262–268.

Васильченко О.А. Государственная политика семейных переселений на Дальний Восток Российской империи: социально-правовой аспект // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, № 3–4 (17–18). С. 292–306.

Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В., Лихолет О.В. Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1564–1574.

Гришанова А.Г., Фадеева Т.А. Экономика, наука, культура, общество и трансформация миграционной политики в Российской империи: западные и восточные векторы (теоретические аспекты) // Миграционное право. 2019. № 2. С. 7–11.

Зубариев Р.Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: политические, экономические и демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2019. 204 с.

Иванов А.А., Котов А.Э. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 60–75.

Иванова О.Ф. Кредитное обеспечение процессов переселения крестьян Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии) // Сервис plus. 2009. № 1. С. 79–85.

Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131.

Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 81 с.

Крих А.А. Социальные репрезентации населения в контексте переселенческой политики в Сибири в позднеимперский период // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 195–205.

Нагаева Г.А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (59). С. 24–37.

Никоненко Д.В. Переселенческая политика в российском законодательстве. 1861–1889 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 25 с.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Проекты степной колонизации 1870-х гг.: смена приоритетов и поиск новых методов интеграции // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3-2. С. 46–54.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований, 2003. 240 с.

Соегов М.Г. К истории сражения 1885 г. при р. Кушка с участием туркмен под командованием офицера-аварца // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 2 (46). С. 39–44.

Степанов В.Л. Политика финансового ведомства России по крестьянскому вопросу в конце XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 1-2. С. 70–75.

Ташболотова С. К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Кыргызстана. 2010. № 3. С. 97–105.

Ус Л.Б. «Вспомогательные предприятия» Комитета Сибирской железной дороги // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 36–39.

Филимонов А.В. «Заселить страну русскими людьми»: финансовый аспект имперского переселенческого проекта в Южно-Уссурийском крае (1882–1892 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 130–134.

Филимонов А.В. Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX – начала XX вв. // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–18.

Чуркин М.К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (52). С. 29–37.

Dowler W. *Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001. 296 p.

Geraci R.P. *Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 389 p.

Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 476 p.

Strakhovsky L. *Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy Toward National Minorities* // *The Journal of Modern History*. 1941. № 4 (13). Pp. 467–492.

Velychenko St. *Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands?* // *The Russian Review*. 1995. № 2. Pp. 188–208.

Wood A. *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2011. 320 p.

References

Anan'ev, D.A. (2017). Krest'yanskie pereseleniya v Sibir' i na Dal'niy Vostok v poreformennuyu epokhu v otsenках anglo-amerikanskih i nemetskih issledovateley (konets XIX – nachalo XXI v.) [Peasant Resettlements in Siberia and the Far East in the Post-Reform Era in the Assessments of Anglo-American and German Researchers (Late 19th – Early 21st Century)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 45, pp. 120–132.

Antonova, E.K. (2007). Struktura upravleniya Tomskogo pereselencheskogo rayona 1906–1917 gg. [Management Structure of the Tomsk Resettlement District 1906–1917]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 294, pp. 132–134.

Baksheev, A.I. (2020). Teoriya frontira i pereselenie krest'yan v Sibir': nauchnaya traktovka gosudarstvennoy politiki XIX–XX vv. [The Theory of the Frontier and the Resettlement of Peasants in Siberia: A Scientific Interpretation of State Policy in the 19th–20th Centuries]. In *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologiy*. Vol. 16, No. 2 (35), pp. 130–140.

Belyanin, D.N. (2016). Gosudarstvennaya politika agrarno-krest'yanskih pereseleniy v Zapadnuyu Sibir' v 1861–1917 gg. [State Policy of Agrarian and Peasant Migrations to Western Siberia in 1861–1917], Dr. hist. sci. diss. Tomsk. 49 p.

Belyanin, D.N. (2019). Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy pomoshchi pereselentsam v period deyatel'nosti Komiteta Sibirskoy zheleznoy dorogi [The Main Directions of State Assistance to Immigrants during the Period of Activity of the Committee of the Siberian Railway]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3 (23), pp. 49–57.

Brezhneva, S.N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoy politike Rossiyskoy imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the Idea of Acculturation in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 17, No. 3, pp. 608–638.

Churkin, M.K. (2006). Ob osobennostyah agrarnogo krizisa v tsentral'no-chernozemnykh guberniyah Evropeyskoy Rossii i vozmozhnykh putyakh ego preodoleniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [On the Peculiarities of the Agrarian Crisis in the Central Black Earth Provinces of European Russia and Possible Ways to Overcome it in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1 (52), pp. 29–37.

Dowler, W. (2001). *Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. Montreal, McGill-Queen's University Press. 296 p.

Filimonov, A.V. (2017). “Zaselit' stranu russkimi lyud'mi”: finansovyy aspekt imperskogo pereselencheskogo proekta v Yuzhno-Ussuriyskom krae (1882–1892 gg.) [“Populate the Country

with Russian People”: The Financial Aspect of the Imperial Resettlement Project in the South Ussuri Region (1882–1892)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 415, pp. 130–134.

Filimonov, A.V. (2018). Razrabotka i realizatsiya programm finansirovaniya pereselencheskogo dela v Rossii kontsa XIX – nachala XX vv. [Development and Implementation of Programs for Financing the Resettlement Business in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2, pp. 1–18.

Geraci, R.P. (2001). *Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca; London, Cornell University Press. 389 p.

Grishanova, A.G., Fadeeva, T.A. (2019). Ekonomika, nauka, kul'tura, obshchestvo i transformatsiya migratsionnoy politiki v Rossiyskoy imperii: zapadnye i vostochnye vektory (teoreticheskie aspekty) [Economy, Science, Culture, Society and Transformation of Migration Policy in the Russian Empire: Western and Eastern Vectors (Theoretical Aspects)]. In *Migratsionnoe pravo*. No. 2, pp. 7–11.

Ivanov, A.A., Kotov, A.E. (2019). Russkie konservatory i pereselencheskaya politika pravitel'stva (konets XIX – nachalo XX v.) [Russian Conservatives and the Resettlement Policy of the Government (Late 19th – Early 20th Century)]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 60–75.

Ivanova, O.F. (2009). Kreditnoe obespechenie protsessov pereseleniya krest'yan Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Ufimskoy gubernii) [Credit Support for the Processes of Resettlement of Peasants of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries (On the Example of the Ufa Province)]. In *Servis plus*. No. 1, pp. 79–85.

Kann, S.K. (2008). Komitet Sibirskoy zheleznoy dorogi (1892–1905 gg.) kak organ upravleniya natsional'nym proektom [Committee of the Siberian Railway (1892–1905) as a Governing Body for the National Project]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 129–131.

Kaufman, A. (1905). *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and Colonization]. St. Petersburg, Tip. t-va “Obshchestvennaya pol'za”. 81 p.

Krih, A.A. (2014). Sotsial'nye reprezentatsii naseleniya v kontekste pereselencheskoy politiki v Sibiri v pozdneimperskiy period [Social Representations of the Population in the Context of the Resettlement Policy in Siberia in the Late Imperial Period]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. Vol. 10, pp. 195–205.

Nagaeva, G.A. (2021). Istoricheskie faktory formirovaniya naselennykh punktov (na primere Chernomorskogo poberezh'ya Krasnodarskogo kraya) [Historical Factors in the Formation of Settlements (On the Example of the Black Sea Coast of the Krasnodar Territory)]. In *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 3 (59), pp. 24–37.

Nikonenko, D.V. (2006). Pereselencheskaya politika v rossiyskom zakonodatel'stve. 1861–1889 gg. [Migration Policy in Russian Legislation. 1861–1889], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 25 p.

Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2011). Proekty stepnoy kolonizatsii 1870-kh gg.: smena prioritetov i poisk novykh metodov integratsii [Projects of Steppe Colonization in the 1870s: A Change of Priorities and the Search for New Methods of Integration]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3-2, pp. 46–54.

Rybakovskiy, L.L. (2003). *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population Migration (Questions of Theory)]. Moscow, Nekommercheskiy fond – Institut sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy. 240 p.

Slezkine, Y. (1994). *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, Cornell University Press. 476 p.

Soegov, M.G. (2016). K istorii srazheniya 1885 g. pri r. Kushka s uchastiem turkmen pod komandovaniem ofitsera-avartsa [To the History of the Battle of 1885 at the River Kushka with the Participation of Turkmens under the Command of an Avar Officer]. In *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii*. No. 2 (46), pp. 39–44.

Stepanov, V.L. (2013). Politika finansovogo vedomstva Rossii po krest'yanskomu voprosu v kontse XIX – nachale XX v. [The Policy of the Financial Department of Russia on the Peasant Issue

in the Late 19th – Early 20th Century]. In *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Gumanitarnye nauki. No. 1–2, pp. 70–75.

Strakhovsky, L. (1941). Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy Toward National Minorities. In *The Journal of Modern History*. No. 4 (13), pp. 467–492.

Tashbolotova, S. (2010). K voprosu o roli pereselencheskoy politiki i praktiki Rossiyskoy imperii v kolonizatsii Kyrgyzstana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [On the Role of the Resettlement Policy and Practice of the Russian Empire in the Colonization of Kyrgyzstan in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii Kyrgyzstana*. No. 3, pp. 97–105.

Us, L.B. (2007). “Vspomogatel'nye predpriyatiya” Komiteta Sibirskoy zheleznoy dorogi [“Auxiliary Enterprises” of the Committee of the Siberian Railway]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 36–39.

Vagabov, M.M., Gorshkova, T.V., Rogozhkin, V.A. (2021). K voprosu o pereselencheskoy politike Rossiyskoy imperii na Kavkaze i formirovaniy rayonov s russkimi pereselentsami v Dagestane [On the Issue of the Resettlement Policy of the Russian Empire in the Caucasus and the Formation of Areas with Russian Settlers in Dagestan]. In *Voprosy istorii*. No. 12–2, pp. 106–113.

Varivoda, N.V. (2017). Pereselencheskaya politika Rossiyskoy imperii na Severnom Kavkaze v poreformennyy period [Migration Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the Post-Reform Period]. In *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 3, pp. 262–268.

Vasilchenko, O.A. (2003). Gosudarstvennaya politika semeynykh pereseleniy na Dal'niy Vostok Rossiyskoy imperii: sotsial'no-pravovoy aspekt [State Policy of Family Relocation to the Far East of the Russian Empire: Social and Legal Aspect]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. No. 3–4 (17–18), Vol. 5, pp. 292–306.

Velychenko, St. (1995). Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? In *The Russian Review*. No. 2, pp. 188–208

Vinogradov, S.V., Eshchenko, Y.G., Saveleva, E.V., Liholeto, O.V. (2022). Problemy osvoeniya okrainnykh rossiyskikh territoriy v XVIII v.: poisk strategii (na primere Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona) [Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th Century: The Search for a Strategy (On the Example of the Volga-Caspian Fishing Region)]. In *Bylye gody*. No. 17 (4), pp. 1564–1574.

Wood, A. (2011). *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. London, New York, Bloomsbury Academic. 320 p.

Zubariev, R.B. (2019). *Kolonizatsionno-pereselencheskie protsessy na Severnom Kavkaze vo vtoroy polovine XIX v.: politicheskie, ekonomicheskie i demograficheskie process* [Colonization and Resettlement Processes in the North Caucasus in the Second Half of the 19th Century: Political, Economic and Demographic Processes], Cand. hist. sci. diss. Pyatigorsk. 204 p.